

ВОСПОМИНАНИЯ

Людмила Ансельм

Наша семья – папа, мама, я и брат – совсем обыкновенная, ничем не отличалась от других семей, была в меру счастливая и в меру несчастливая. К нам приезжала иногда бабушка, папина мать, я всегда радовалась её приезду. Жила бабушка в большом областном городе Иркутске Первом, а мы жили в провинциальном городке Иркутске Втором, в двадцати минутах езды от Первого.

Наш дом стоял на самом краю посёлка в маленькой роще, которая называлась Роща Скит. Дальше домов уже не было, до самого Иркутска Первого тянулись болота. Вход в рощу со стороны нашего городка был через бывшие ворота, от которых остались только два толстых столба, глубоко вкопанных в землю. С одной стороны рощи расположилось кладбище, куда мы боялись ходить поодиночке, забегали ненадолго большой компанией. Кладбище огибала дорога с непонятным названием Тракт. Она тянулась далеко, мы не знали, где она начиналась и где кончалась, по ней ходили грузовики. Зимой отчаянные мальчишки на коньках цеплялись за борта грузовиков длинными крюками и так катились до самого железнодорожного переезда.

Недалеко от нашего дома на пригорке стояла полуразрушенная деревянная церковь без креста. На колокольне без колоколов жили голуби, они загадили весь пол колокольни своим помётом. В церковь можно было влезть через открытые окна, забраться до самого верха, а затем бежать по лестнице вниз наперегонки. Около церкви под пригорком раскинулось большое и глубокое Поповское болото. Оно было таинственным и мрачным, поросшим ряской. Мы побаивались бродить по этому болоту, о нём ходила дурная слава – когда-то здесь утонул мальчик. Летом маленькие болота усыхали, а Поповское всегда почему-то было заполнено водой до краев. Когда была открыта церковь, верующие обнаружили и расчистили родник около болота и туда потекла чистая вода, превратив болото в пруд. Зелёная ряска и пиявки исчезли, поверхность пруда стала похожа на большое опрокинутое зеркало. За Поповским болотом начиналась цепочка болот поменьше, безмянных. Летом мы бродили по этим болотам босиком, ловили скользких полосатых лягушек и жуков-плавунцов, следили за порхающими по воде водомерками, а иногда нам в руки попадались тритоны. Это был настоящий праздник.

Когда-то неизвестные монахи облюбовали эту рощу, которую стали называть Скитом, построили около родника церковь и несколько добротных домов. Стали здесь жить и молиться, пока не началась революция. А после революции в роще построили два длинных дома-барака, назывались они громко – Костнотуберкулезный санаторий. На самом деле это была обыкновенная больница для детей, больных туберкулезом. В палатах годами на твёрдых кроватках из гипса лежали больные дети, хромые и горбатые. Там работали мои родители – папа главным врачом, а мама врачом-лаборантом. Целыми днями мама смотрела в микроскоп, подсчитывая красные и белые кровяные шарики. К старости она потеряла зрение, не могла читать, а только смотрела телевизор.

В дореволюционных добротных домах жили врачи и учительница младших классов. А рядом с этими домами торчал большой двухэтажный дом, наскоро сколоченный из досок уже при советской власти. Там жили санитарки и медицинские сёстры со своими детьми. Воду брали из водокачки, а удобства – домики-скворечники обычно устанавливали в огородах, поближе к дому, чтобы зимой можно было добежать, не одеваясь. Это был замкнутый мир, ограниченный домами, рощей и работой в санатории. Люди здесь жили разные: злые и добрые, глупые и умные, хорошие и плохие.

Это был и наш детский мир. Дорога из него, казалось, нам была заказана. Мы не ездили в другие города или летние лагеря. «У тебя здесь свой лагерь», – говорила мама, кивая в сторону рощи. И все наши каникулы мы проводили в этой роще. Мы многое не

понимали. Например, что означает слово Скит? Почему не все болота летом высыхают? Почему рядом с болотами валялись огромные ржавые баки, кто и когда их притащил?

Я теперь вспоминаю свое детство, издалека оно кажется уютным и почти счастливым. Много бы отдала, чтобы вернуться туда и увидеть моих дорогих родителей и бабушку.

Но иногда в нашем замкнутом мире случались и неожиданности. Так, во время войны была открыта наша полуразрушенная церковь. В один прекрасный день я забралась на завалинку церкви и распахнула окно, потому что наша компания решила побывать на колокольне. Вдруг, кто-то сзади больно огрел меня по голым ногам тонкими прутьями. Оглянувшись, я увидела злую старуху, грозившую нам этими прутьями. Мы поняли, что потеряли очень интересное место для игр. Но позже, когда покрашенная и прибранная церковь заработала и стала украшением нашей рощи, у нас появились новые впечатления и удовольствия.

Мы присутствовали на церковных праздниках. Особенно нам нравились свадьбы. Интересно было наблюдать за женихом в темном костюме и белоснежной одетой невестой, смотреть, как они обмениваются кольцами. Правда, слова во всяких проповедях нам казались скучными и непонятными. Мы зевали и смотрели по сторонам на старух, которые делали вид, что все понимают и тоненькими голосками подпевали хору. До сих пор помню, как священник отпевал девушку с красивым белым, как гипс, лицом и в наряде невесты. Старухи, пошептавшись между собой, рассказали нам, что девушка бросилась под поезд, так как забеременела без мужа. Священник пожалел её родителей и согласился отпевать самоубийцу. В Чистый четверг нас ждало настоящее приключение – надо было после службы принести зажжённую свечу домой и на притолоке копотью нарисовать крест. Это было совсем непросто, особенно, в ветренную погоду. Но иногда удавалось, и тогда притолоки наших дверей становилась черными от многочисленных крестов.

Я отчётливо помню день и час, когда мы узнали, что началась война. Это было 22 июня в шесть часов вечера. К нам зашёл бледный испуганный сосед и сказал, что немцы в четыре утра пересекли нашу границу. Они уже несколько часов бомбили Минск и Киев, а мы ничего не подозревали. Я, увидев, как расстроились родители, поняла: что-то случилось страшное, непоправимое.

В этот же год я, семилетняя, пошла осенью в школу – на год раньше других детей. Потому что мне очень хотелось учиться и, кроме того, было приятно чем-то выделиться.

Война заметно изменила наш мир. В роще Скит появились новые люди – беженцы из Москвы и Ленинграда. Все их называли «кавуированные». Мы сразу повзрослели, стали интересоваться событиями на фронте, переживали поражения и радовались победам. В Иркутск эвакуировался Киевский театр оперы и балета. Сын оперной солистки Оксаны Петрусенко (она умерла перед войной) был болен костным туберкулезом, и его направили в санаторий, где работал мой отец. Папа иногда получал билеты в театр, и мы посмотрели несколько балетов.

День Победы остался незабываемым. В далёкой Германии был, наконец, подписан мирный договор. У нас в Сибири День победы был солнечный, тёплый. Мы всей семьёй поехали за город к реке, на берегу устроили пикник.

После окончания школы я и моя подруга, обе серебряные медалистки, вдвоём поехали в Ленинград учиться. Поезд из Иркутска в Ленинград шёл медленно, не торопясь и останавливаясь почти на каждом перекрестке. Погода августовская, солнечная, и мы часто выходили из душного вагона подышать свежим воздухом. Нас уже знал весь поезд – всех интересовали две молоденькие девушки, сбежавшие из родного дома, чтобы поступать в Ленинградский университет. К нам подходили, спрашивали:

– «Почему в Ленинград? Ведь в Иркутске тоже есть университет».

– «Мы хотим учиться в Ленинграде».

– «Но ваши родные остались в Иркутске, не боитесь трудностей?»

Мы тогда ничего не боялись – впереди была целая жизнь. В университет мы с подругой поступили без экзаменов. На собеседовании задали только один лёгкий вопрос по физике. В том, 1951 году, из-за борьбы с космополитизмом почти всем абитуриентам еврейской национальности вход на физический факультет был закрыт. В результате на наш курс приняли лишь одного еврея и еще двух ребят, у которых евреем был один из родителей.

После создания атомной бомбы физика считалась востребованной наукой, многие молодые способные люди мечтали стать физиками. Те, которым удалось попасть на физический факультет, чувствовали себя счастливыми. Хотя потом у каждого была своя судьба.

Общежития мы с подругой не получили, пришлось снять комнатку в коммуналке – маленькую, узкую, спали вдвоём на одной кровати. Отопление было дровяное, дрова приходилось экономить. Небольшой стипендии даже на еду не хватало, немного денег присылали родители. На втором курсе нам, наконец, предоставили общежитие в Старом Петергофе, до станции идти километра три по глинистой дороге. Приходилось вставать в пять утра, чтобы не опоздать на лекцию. Ложились поздно: в комнате пятнадцать девушек – молодых и неугомонных, рано не заснешь. Еда в столовых обходилась слишком дорого, поэтому готовили сами. Вшестером организовали коммуны – складывали по небольшой сумме денег на обед. Обычно дежурный покупал картошку и дешевые котлеты. А утром и вечером пили кипяток с булкой. Мы изрядно помучились прежде, чем получили комнату в нормальном общежитии в Ленинграде. Это произошло в конце второго курса. Мы почувствовали себя, наконец, ленинградцами. Жизнь, можно сказать, повернулась к нам лицом.

Хотя я училась с Алексеем Ансельмом на одном курсе физического факультета, но только в конце второго курса мы познакомились ближе и стали общаться друг с другом. Конец второго курса, весна, долгожданные белые ночи... У нас в общежитии был вечер – музыка, танцы. Неожиданно появился Алексей, подошёл ко мне и пригласил на танец. На другой день мы встретились на общей лекции, Алексей сел рядом. Так началась наша дружба, которая постепенно переросла в любовь.

Алексей, коренной ленинградец, с первых же дней нашего знакомства занялся моим воспитанием, мое провинциальное образование существенно отличалось от столичного. Ему нравилась роль учителя, а я была благодарной ученицей. Передо мной открылся новый для меня мир. Алексея, как и меня, привлекала не только наука, но и литература и искусство. Он познакомил меня со своими родителями – замечательными интеллигентными и образованными людьми. Его отец Андрей Иванович Ансельм был профессором, заведующим теоретическим отделом при Институте полупроводников, мать Ирина Викторовна Мочан тоже была физиком.

Мы были молодыми, шутили, танцевали, развлекались, любили... Когда умер Сталин, несколько наших студентов из Университета кинулись в Москву на похороны. Я жила в общежитии. Студентки в моей комнате в эти траурные дни не ходили на лекции, а сидели на кроватях с красными от слёз глазами. Я боялась, что они заметят, что я не плачу и могут кому-нибудь пожаловаться. Доклад Никиты Сергеевича на XX съезде был почти для всех потрясением. Я же была подготовлена Алексеем, так что разоблачение Сталина не стало для меня неожиданным.

После смерти Сталина в воздухе повеяло ветром перемен, наша молодость совпала с интереснейшим временем – хрущёвской оттепелью. Возвращались люди из лагерей. В журнале «Новый мир» появился гениальный рассказ Солженицына "Один день Ивана Денисовича", который стал одним из главных событий в жизни всей страны.

У нас был жгучий интерес ко всему современному. В поэзии зазвучали голоса молодых поэтов: Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко, Беллы Ахмадуллиной,

Роберта Рождественского. Ленинградские художники-абстракционисты стали выставлять картины в частных домах, а также в домах культуры Газа и в Невском. Впоследствии эту группу художников стали называть газоневцами, с некоторыми из них мы сблизилась. Появились авторские песни. Городничкий, Визбор, Окуджава, Галич, Высоцкий – знаменитые авторы песен и исполнители. Мы знали их песни наизусть и пели, когда собирались компанией. Обычно кто-нибудь первый начинал «Простите пехоте.» и все хором, не сговариваясь, подхватывали: «что так неразумна бывает она...». Нам посчастливилось познакомиться с итальянским неореализмом в фильмах "Рим, одиннадцать часов", "Рим открытый город", "Похитители велосипедов", "Умберто Д".

В 1956 году, по окончании университета, мы с Алексеем поженились, я переехала к нему. Родители Алексея приняли меня хорошо. По распределению Алексей поступил на должность младшего научного сотрудника в Физико-технический институт, где и проработал всю свою жизнь. Меня направили в секретный «почтовый ящик», но потом мне удалось перейти в Институт полупроводников.

Конечно, я была безмерно счастлива. И Ленинград, и любимый муж, и работа – всё, о чем я мечтала...

*Что завтра? Завтрак. Завтракать вдвоём,
И после завтракать вдвоём...
Что нового? А то, что самый, самый
Любимый муж на свете – это ты, ...
Что больше не боюсь ни простоты, ...
Ни старости, что дом – прообраз храма,
Что завтра – завтрак...*

(Вера Павлова)

В эти шестидесятые годы двоюродный брат Ирины Викторовны, дядя Алексея, Леон Эдмундович Мочан, вдруг появился в нашей квартире в Ленинграде прямо из Парижа. В начале революции со всей семьей он эмигрировал за границу, окончил университет в Лозанне, стал математиком и в 1924 году переехал во Францию. После войны посетил город Принстон в США, и, пообщавшись с известным физиком Оппенгеймером, задумал создать такой же институт, как в Принстоне. За короткое время ему удалось организовать Институт математики в городке Бюр-сюр-Иветт (Bures-sur-Yvette), недалеко от Парижа. Став директором, дядя приехал в Ленинград с намерением пригласить советских физиков в свой институт, но ему это не удалось.

Потом дядя стал часто появляться в Ленинграде со своей второй женой Анни Мочан. Насколько я понимаю, дядей двигали ностальгические переживания, иначе как объяснить его желание так часто бывать в Ленинграде. Однажды дядя решил посетить дом, в котором он вырос, и пригласил меня сопровождать его. Когда мы ехали на такси вдоль Канала Грибоедова, он сразу узнал этот дом. Мы вошли в грязный подъезд, где к запаху кошек примешивался еще запах туалета, подошли к дверям, украшенным гирляндой электрических звонков с четкими указаниями: Ивановым – звонить один раз, Петровым – два, Сидоровым... Дядя грустно постоял перед дверью, изучая надписи, но в квартиру войти не решился. Только подёргал дверную ручку и сказал: "Нам принадлежал здесь целый этаж". Помню стыд за нашу неустроенность и облегчение, которое испытала, когда мы, наконец, оказались на набережной Канала. Ещё мне запомнилось, как дядя реагировал на песни Галича. Стоило поставить плёнку с записью песен Галича, в руках у нашего дяди появлялся белый носовой платок.

Дядя оказался хорошим рассказчиком, и ему было о чём вспомнить – человек объездил почти весь мир. Рассказывая, он часто замолкал, будто что-то припоминая, это усиливало впечатление. Говорил негромко на прекрасном, но забытом в наше время русском языке. Его изящная речь, пересыпанная вышедшими из обращения словами –

например, аэроплан, верую, голкипер – как бы в машине времени переносила нас в начало века. Мы с удивлением и восхищением расспрашивали его про недоступную нам другую жизнь, полную, по его словам, опасностей. Рассказывал много о второй мировой войне. Нам было известно, что после того, как немцы победным маршем вошли в Париж без боев и сражений, в стране началось партизанское движение, которое было названо Сопротивлением. Выяснилось, что дядя был участником этого движения, о чём рассказывал также очень по-французски – с изящной лёгкостью: никаких поездов, спущенных под откос, никаких взрывов и даже ни одного выстрела. Оказалось, что воткнутая в его петлицу маленькая красная пуговица, которую он пренебрежительно назвал "декорасьон", не что иное, как медаль за участие в Сопротивлении.

Дядя умер от рака в возрасте девяноста лет. После его смерти мы с Алешей навестили одинокую Анни. Из-за больной ноги она не смогла встретить нас, но очень радушно и гостеприимно приняла в своей квартире, организовала несколько встреч с французскими родственниками, которых мы не знали, познакомила со своим несимпатичным братом, которого не любила. Когда мы, попрощавшись, уходили, Анни с узкого парижского балкончика махала платочком, улыбалась и кричала что-то по-тирольски. Мы надеялись на скорую встречу с ней в нашем городе, который стал за это время Санкт-Петербургом. Но обстоятельства сложились по-другому, встретиться с Анни больше не удалось. Через год мы узнали, что она покончила с собой, бросившись в Сену. Её самоубийство потрясло нас. О дяде и о его жене я написала небольшой рассказ «Французская родственница».

К периоду 60-х относится наше знакомство с Эдвардом Радзинским. Эдвард написал сценарий фильма о физиках «Улица Ньютона, дом один». Режиссер фильма Теодор Вульфович пригласил Алексея и его друга в качестве консультантов, но им ещё пришлось сняться в небольшом эпизоде, чтобы достоверно изобразить учёный совет. Мы познакомились со многими участниками фильма – Юлием Кимом, Юрием Ковалем, с московскими художниками Лемпортом и Силисом, подружились с Вульфовичем и с его красавицей-женой Полиной Лобачевской, родственницей математика Лобачевского. Дружба продлилась долгие годы. С Радзинским у нас возникли отношения, которые трудно было назвать дружбой – что-то вроде взаимного интереса. На его лице всегда присутствовала улыбка Мефистофеля, за которой пряталась уверенность в будущем своём успехе и что-то загадочное, недоговорённое. По-видимому, он уже тогда задумал написать биографию Сталина.

Однажды Полина Лобачевская привела к нам в гости Григория Чухрая и Беллу Ахмадуллину. Фильм Чухрая "Баллада о солдате" произвёл на всех нас незабываемое впечатление. Мы засыпали его расспросами о том, как возникла идея этого фильма, и как ему удалось снять правдивый фильм о войне. Он во всех подробностях с нескрываемым удовольствием рассказал нам, сколько подводных камней ему пришлось обойти, чтобы показать хотя бы малую часть жизненной правды. В памяти остался тёплый, душевный разговор.

В 60-70-ых годах Алексей защитил две диссертации, стал профессором Университета, в 1974 году – директором теоретического отдела, а затем (с 1992 по 1994 гг.) директором института Ядерной физики в Гатчине, под Ленинградом.

Одно воспоминание цепляется за другое. Достанешь из памяти что-то совсем забытое и тут же появляется неожиданно другое, тоже забытое. Стараюсь соблюдать хронологическую последовательность, но это не всегда удаётся. “Стихи не должны быть точными, стихи должны быть проточными”. А я бы сказала: воспоминания и не могут быть точными.

Теперь, по прошествии многих лет, я понимаю, в какое интересное время мы жили. Иметь столько друзей, быть в центре разнообразных новостей – это счастье. Но нам хотелось раздвинуть решётки железного занавеса и побывать там, куда въезд был

запрещён. Во времена оттепели у нас ещё была надежда, что занавес приподнимется, но потом надежда исчезла. Однако в 1968 году Алексею все-таки удалось поехать в Англию на три месяца. Это было похоже на чудо.

В своих воспоминаниях он написал:

"Хотя это был 1968 год и нормального человека с моими данными (с немецкой национальностью и беспартийным) из России за границу не выпускали, тем более в одиночку, но меня пустили, притом одного, на целых три месяца, в Лондон. Это чудо, объяснялось разными причинами, из которых главной было вторжение советских танков в Чехословакию...».

В Англии Алёша познакомился и подружился с физиком Володей фон Шлиппе, немцем русского происхождения, и стал постоянным гостем в его доме. Ирина, жена Володи, вела передачи по радио на русском языке на канале Би-Би-Си. Именно в этот период появилась книга Светланы Аллилуевой "Письма другу". Ирина читала эту книгу на Би-Би-Си. Иногда нам в Ленинграде удавалось услышать её, несмотря на глушилки. Дружба с семейством Володи продолжалась почти всю жизнь. Когда Володя вышел в Англию на пенсию, Алёша принял его на работу в свой теоретический отдел в Гатчине.

Алексей влюбился в Лондон, и, когда мы после перестройки попали в этот город уже вместе, он с удовольствием показывал мне самые любимые уголки города. Обычно мы садились с ним на передние сидения на втором этаже красного лондонского автобуса и ехали по любимому маршруту.

После оттепели нас в стране начались другие времена – застойные. Все надежды, возникшие при «оттепели», рухнули. Самые активные и известные люди стали уезжать за рубеж. Уехали не по своему желанию Солженицын, Бродский, Ростропович, Галина Вишневская, Симон Маркиш и другие. Уехали и наши близкие друзья, мы почувствовали себя одинокими.

В восьмидесятые годы нам посчастливилось познакомиться и подружиться с Фазилом Искандером и с Бенедиктом Сарновым. Нас пригласили друзья провести лето вместе с ними под Сухуми. Место называлось Гульрыпши, Абхазия. Там был Дом отдыха членов Союза писателей. Рядом стояли дачи Е. Евтушенко и грузинских писателей. Фазиль и Бен Сарнов снимали комнаты в Доме писателей. Хотя Фазиль был уроженцем Абхазии, но поскольку писал свои произведения на русском языке, а не на абхазском, в правительстве Абхазии были недовольны им и в наказание не дали участка для постройки дачи на берегу моря.

Фазиль произвел на меня неизгладимое впечатление. Ни разу больше я не встречала человека такой неотразимой искренности. Даже на самый простой вопрос не отвечал сразу, а погружался в размышления. Было видно, что он в уме ворочает слова, подыскивая самое нужное, понятное собеседнику слово для правильного и точного ответа. Фазиль часто приезжал в Петербург на выступления по приглашениям. После выступлений в Доме писателя обычно заходил к нам.

Бен Сарнов был известным писателем и литературным критиком. Мы читали его статьи в "Новом мире". Он прославился своим четырёхтомным трудом "Сталин и писатели". Но в то время его книги ещё не были напечатаны, Сарнов собирал для них материал.

Летом мы часто бывали на даче известного писателя Д. А. Гранина. Он всегда относился к физикам с уважением, с интересом расспрашивал Алёшу о его работе. В своих воспоминаниях Д. А. Гранин писал: "Наши физики казались мне очень сплочёнными и твёрдыми, и значит людьми принципиальными, а они предали Сахарова, подписали позорные письма. Это было большим разочарованием для меня. Я очень любил Андрея Дмитриевича и читал его. Вы скажете, что не все физики вели себя подобным образом и из Академии его не вывели. Да, это так, но таких было очень мало. Алёша был в их числе». Мы встретили А. Д. Сахарова после освобождения его из ссылки, на

конференции в Грузии. Сахаров приехал в Тбилиси помолодевший, жизнерадостный, энергичный. Он был на подъёме, делился с Алёшей своими планами организации новой жизни.

Ближе всех к нам был известный ленинградский поэт Александр Кушнер. Его жена Елена Невзглядова, которая знала Алёшу с детства, пригласила нас в Пицунду, в отпуск, там мы встретились с Сашей. Они жили в доме литераторов по путевкам, а мы, будучи "дикарями", снимали комнату в посёлке. С первых дней знакомства мы почувствовали друг к другу взаимную симпатию, а по прошествии времени стали близкими друзьями. В Саше была притягательная трогательность и теплота к тем, кто ему нравился. Возникли тесные дружеские отношения между Алёшей и Сашей, которые продолжались до самой Алёшиной смерти. Из госпиталя Алёша писал Саше письма, делился с ним своими мыслями о жизни, о смерти...

Я прожила вместе с Алексеем сорок шесть лет. Это были годы, насыщенные разнообразными встречами, знакомствами с интересными людьми, путешествиями, поездками за границу. Алёша любил жизнь, во всех её проявлениях, получал удовольствие от знакомства с интересными людьми, любил праздники, с удовольствием принимал гостей и ходил в гости. Просто любил жизнь и жизнь любила его. Но пришло время, когда он решил остановиться и оглядеться. В последних записях дневника Алёша писал:

"Ты вдруг начинаешь понимать, какая радость – пахнущий грибами и сыростью осенний сад, косые лучи заходящего солнца, какое счастье остаться вдвоем с женой на даче, никуда не надо идти и никто не придёт в гости. Мой Бог, ведь это была наихудшая попытка молодости. Жизнь проходила где-то там – мимо... Радость, когда маленькое доверчивое существо – твоя внучка прибегает по утрам и плюхается к тебе в кровать с криком: «Давай!» Это означает, что ты должен рассказывать очередную историю из бесконечной эпопеи, придуманной тобой".

Алексей заболел неожиданно. Он почувствовал себя плохо, когда мы были в Израиле. Уже по возвращении домой долго не хотел показываться врачам. В конце концов пришлось. Начались бесконечные операции. Мы все бросили и поехали в Бостон, где уже жила наша дочь Ирина, надеялись на американскую медицину. Но было уже поздно.

В Бостоне Алексей во время лечения начал писать научно-популярные статьи – ему хотелось не только поделиться своими мыслями перед уходом, но погрузиться в творчество, чтобы забыться. Все его статьи были напечатаны в журналах «Звезда». Первая статья называлась "Что такое время?" В письме из Бостона А. Кушнеру Алексей писал: *"Удивительным образом, в принципе, но я знаю средство спастись от конечности отпущенного времени. Это средство – творчество. Любое. Наука ли, искусство... Но средство это заколдованное. Между тобой и твоим творчеством – пустота. Ты берешь лист бумаги с яростным намерением создать нечто стоящее (в науке ли, в искусстве) и не создаешь... ничего!"*

Когда я пишу эти воспоминания, передо мною встают все последние дни, которые мы пережили с Алёшей. Говорят, что надежда умирает последней. Это были страшные дни для нас обоих, т.к. наша надежда умерла много раньше, приходилось только держаться и ждать. Алёша держался до последнего вздоха. Для меня его смерть была полным крушением...

Я осталась в Бостоне, чтобы жить рядом с дочерью и внучкой. Но они были заняты работой и учёбой. Мне нужно было научиться жить в Америке одной. Пошла осваивать английский в колледж, там познакомилась с новыми людьми, такими же эмигрантами, как и я. На людях переносить боль было легче. Некоторые из них стали моими друзьями. Я начала писать пьесы и была принята в группу американских драматургов. Писала на русском и с помощью друзей переводила на английский. Летом группа участвовала в фестивалях, на которых американские актёры исполняли наши пьесы на театральной сцене.

Друзья познакомили меня с Джимом Клинтонем – американцем, изучающим русский язык. Он был таким же одиноким, как я. Прежде всего, Джим представил меня своим дочерям и бывшей первой жене, с которой он развёлся задолго до нашего знакомства. У него было три дочери, у дочерей – мужья, дети. Все американские праздники мы отмечали с ними. В свою очередь, я познакомила Джима со своими родными и друзьями. За эти годы у меня появился маленький внук Алёша, названный так в честь деда Алексея. Когда при знакомстве Джим протянул ему руку и сказал: «Я – Джим», внук переспросил: «Ты джин или человек?» Мои русские друзья стали близкими друзьями Джима. Он очень легко сходилась с людьми совершенно другой культуры.

Поскольку я окунулась с головой в американскую жизнь, пришлось не только учиться говорить по-английски, но и водить машину, кататься на горных лыжах. Чтобы мне было легче войти в американскую жизнь и понять американскую культуру, Джим считал своим долгом познакомить меня с традициями страны. Он, в свою очередь, учил русский язык и требовал, чтобы я разговаривала с ним по-русски. Джим охотно примкнул к группе американских драматургов, переводил мои пьесы на английский, помогал писать их. Десять пьес, переведённых Джимом, были приняты на фестивали в Массачусетсе и в других штатах Америки. Каждый год мы с Джимом посещали Санкт-Петербург, где встречались с моими старыми друзьями. Он тоже любил этот прекрасный имперский город. Иногда мы летали в Норвегию, где жили его друзья. Когда в кинотеатрах начались трансляции из театра Метрополитен, мы на целый год закупали абонементы и с удовольствием слушали оперы.

Вместе с Джимом я прожила четырнадцать лет. Он был открытый человек с лёгким характером. Всегда поддерживал меня в любых начинаниях, и я тоже старалась выполнять все его желания. Мы никогда не ссорились. На своём последнем дне рождения, который мы отмечали с родственниками и друзьями в ресторане Санкт-Петербург, Джим высказал пожелание, чтобы на его похоронах звучала мелодия «Не плачь по мне Аргентина» из мюзикла «Эвита». Желание Джима было исполнено во время панихиды в его память в Епископальной церкви. Джим ушёл из жизни вскоре после неудачной операции на сердце 17 марта 2020 г., ровно в тот день, когда в Америке был объявлен карантин из-за ковида.

В Бостоне я живу 24 года и за это время мною написано:

- 25 коротких пьес, длительностью по 10-15 мин., согласно требованиям для участников фестивалей,
- 10 полнометражных пьес, длительностью по 1-2 часа,
- полнометражная пьеса «Последняя любовь Чехова» была поставлена в Boston Playwrights' Theatre и в театре города Newport, её можно увидеть на интернете на канале YouTube,
- пьеса «Возвращение» («Return») в исполнении американских артистов была снята на видео и показана по телевидению в городе Watertown,
- 10 пьес принимали участие в фестивалях Массачусетса и в других штатах,
- пьесы на русском: «Внутренний голос», «День отца», «Мать и дочь», «Придумай сама» и др. были поставлены в театрах России, Украины, Белоруссии. Некоторые из этих пьес опубликованы на канале YouTube. Три пьесы были напечатаны в российском и бостонском журналах;
- 5 небольших рассказов,
- книга воспоминаний об Алексее Ансельме под названием «Счастье видеть красоту мироздания»,
- 6 книг с пьесами и воспоминаниями на русском и английском языках.

Все мои пьесы (на русском и на английском) и все рассказы можно найти на сайте lib.ru электронной библиотеки Машкова в разделе «Современная литература». Кроме того, некоторые пьесы имеются на сайте «Театральная библиотека Ефимова».